

Российская Академия Наук
Институт философии

ЭТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ
Выпуск 5

Москва
2004

УДК 17.0
ББК 87.7
Э 90

Ответственный редактор

доктор филос. наук, академик РАН
А.А. Гусейнов

Ученый секретарь

кандидат филос. наук *О.В. Артемьева*

Рецензенты

кандидат филос. наук *Б.О. Николаичев*
кандидат филос. наук *О.А. Запека*

Э 90 **Этическая мысль.** — Вып. 5. — М., 2004. — 201 с.

Очередной выпуск Ежегодника традиционно включает разделы, в которых исследуются вопросы теории и истории морали. Кроме того, данный выпуск содержит специальные разделы, один из которых посвящен анализу проблемы соотношения морали и политики, другой — рассмотрению различных аспектов извинения и прощения.

Л. В. Максимов

О субъективистских течениях в современной философии морали*

К типологии этического субъективизма

Субъективистская трактовка морали в европейской философии прошла долгий путь — от наивно-прямолинейного отрицания древнегреческими софистами общезначимости моральных норм и понятий до более сложных и завуалированных современных концепций, сложившихся в русле фикционализма, конструктивизма, антифундаментализма, экспрессивизма, постмодернизма и пр. Правда, само уже объединение разнообразных теорий под общим именем «субъективизма» является достаточно условным, ибо какого-то единого субъективистского подхода к пониманию моральных ценностей не существует — хотя бы уже потому, что само понятие «субъективного» имеет множество контекстуальных значений, да и феномен морали нельзя представить в виде некоей неделимой целостности, которая допускала бы применение к ней (именно как к целому) указанной характеристики. Некоторые элементы этого многомерного феномена в определенных отношениях субъективны, а в других аспектах — объективны. Разногласия по поводу того, какие именно стороны морали (и в каком отношении) объективны или субъективны, составляют предмет споров между соответственно объективизмом и субъективизмом в этике. Один и тот же философ может быть субъективистом в понимании, скажем, способа бытия морали (если он полагает, например, что мораль существует исключительно в виде человеческих аттитюдов), и в то же время объективистом в трактовке источника моральных ценностей (если он признает в качестве такого источника какой-либо объективный — природный или социальный — фактор).

* Статья написана в рамках исследования, поддержанного Российским гуманитарным научным фондом, проект 04-03-00179а.

Поэтому категорическое отвержение или принятие этического субъективизма в целом обычно связано с недостаточно отчетливым видением границ, разделяющих разные его типы. При этом определяющий или даже единственный признак субъективизма как такового часто усматривается в отрицании объективной истины в познании вообще, включая мораль, которая рассматривается обычно как особый вид познания. Агрессивно-обвинительная тональность, характерная как для классической, так и в особенности для современной анти-субъективистской критики, объясняется тем, что понятый указанным образом субъективизм ассоциируется с моральным релятивизмом, защитой аморализма, скептицизма, нигилизма и т.п. В подтверждение сказанного позволю себе привести обширную цитату из фундаментальной статьи американского философа Рональда Дворкина «Объективность и истина», — статьи, которая инициировала острую полемику в специализированных англоязычных изданиях и в Интернете¹. «Существует ли объективная истина? — задает риторический вопрос Р.Дворкин. — Или мы должны наконец признать, что... нет никакой «реальной», или «объективной», или «абсолютной», или «основополагающей»... истины о чем-то, и что наши самые глубокие убеждения относительно того, что случилось в прошлом, или из чего сделан универсум, или кто мы есть, или что такое прекрасное, или кто является безнравственным, — суть именно убеждения, именно соглашения, именно идеология, именно знаки силы, именно выбранные нами правила языковых игр, именно продукт нашей неугомонной предрасположенности делать вид, будто мы обнаружили там, в некоем внешнем, объективном, вечном, независимом от сознания мире то, что на самом деле мы придумали для себя, исходя из наших инстинктов, воображения и культуры? Этот последний взгляд, носящий имена вроде «постмодернизм», «антифундаментализм» и «неопрагматизм», ныне составляет модный интеллектуальный стиль. Он по существу неизбежен для тех подразделений американских университетов, которые не уверены в собственной полноценности, — например, для факультетов истории искусства, английской литературы и антропологии, так же как и для юридических факультетов. Более изощренные формы того же глубокого скептицизма были влиятельны в академической философии на протяжении многих веков. Они существуют в двух разновидностях: общая, всеохватывающая версия, атакующая саму идею объективной истины о чем-либо, и ограниченная, избирательная версия, которая допускает объективную истину для «дескриптивных» утверждений, включая математические, но отрицает ее для «оценочных» утверждений — моральных, этических и эстетических»².

Относительно последнего пункта приведенного высказывания следует заметить, что Р.Дворкин без достаточных оснований включает отрицание объективной истины *в морали* в общий контекст *эпистемологического* субъективизма, — пусть даже и в качестве его «ограниченной версии». Отрицание применимости самих понятий истины и лжи к моральным утверждениям³ — это действительно один из вариантов субъективизма, однако субъективизма не эпистемологического, а *этического*. К тому же «обвинительный уклон» в рассуждениях автора не вполне оправдан, поскольку отнюдь не всякая субъективистская трактовка морали — в том числе та, о которой здесь идет речь, — обязательно сопряжена напрямую (или хотя бы даже косвенно) с оправданием аморализма. На мой взгляд, дискуссии вокруг этического субъективизма могли бы быть более осмысленными и продуктивными при условии адекватной дифференциации и систематизации его типов, исторически сложившихся в философии морали. Каковы же эти типы?

Одна из возможных типологий, изложенная в терминах современной аналитической этики, представлена в англо-американской Этической энциклопедии (статья «Субъективизм»)⁴. Б.Хукер, автор статьи, выделяет четыре вида этического субъективизма, различающиеся тем, какие именно стороны морали подвергаются субъективистской интерпретации: (1) «доброе» для личности, (2) практический разум, (3) моральное требование и (4) оценочное суждение. Первый вид субъективизма проявляется в утверждении, что «личное добро» зависит от установок и желаний личности: «доброе» — это то, что способствует реализации желаний и достижению удовольствия. Субъективизм второго типа есть точка зрения, согласно которой все разумные основания для поступков (включая поступки моральные) определяются опять-таки субъективными желаниями. Третий вариант субъективизма основан на представлении о том, что моральное требование не имеет объективного, надчеловеческого статуса и потому не является принудительно-обязательным; по характеру и степени влияния на человеческое поведение оно стоит в ряду с любыми иными субъективными требованиями. Наконец, последний из перечисленных видов субъективизма говорит о наличии необходимой связи между установками личности и значением оценочных суждений. При этом автор различает два варианта внутри этой общей позиции. Одни субъективисты полагают, что оценочные суждения являются *описательными*, или дескриптивными, только описывают они не внешние реалии (как об этом можно было бы судить по их логической форме), а лишь аттитуды говорящего; т.е. если кто-то говорит: «X — хорош», то тем самым он

фактически сообщает о своем внутреннем состоянии: «Я одобряю X» (причем эта информация может быть истинной или ложной — «неискренней»); а если другой человек говорит: «X — плох», то он тоже дает информацию — истинную либо ложную — о своем отношении к X (именно — о «неодобрении» этого X). Таким образом, оба противоположных высказывания об одном и том же X — одобрительное и осудительное — могут быть одновременно истинными и, следовательно, не противоречащими друг другу. За этой точкой зрения установилось название «*дескриптивный субъективизм*». Согласно другому ответвлению указанной позиции оценочные суждения не являются описаниями ни вещей, ни внутренних состояний; они *выражают* аттитуды и потому не могут быть ни истинными, ни ложными. Этот вид этического субъективизма, обозначаемый термином «*эмотивизм*» или (в последние годы чаще) «*экспрессивизм*», вписывается в упомянутую выше некогнитивистскую методологическую тенденцию современной философии морали.

Недостаток приведенной типологии, на мой взгляд, состоит в ее существенной неполноте, связанной с тем, что в основание классификации положены главным образом разные интерпретации языка морали, а не морального феномена во всем его многообразии. Из-за этого из поля зрения автора выпадают — или остаются лишь неявно полагаемыми — некоторые достаточно влиятельные субъективистские концепции, имеющие немало сторонников в современной философии морали. Поэтому изложенная выше типология нуждается в уточнении и дополнении.

Прежде всего — во избежание терминологических недоразумений — следует различать *концептуальный субъективизм* (т.е. особого рода толкование, объяснение морали с отставанием приоритетности того или иного субъективного начала) — и «субъективизм» как *пристрастность*, необъективность *ценностной позиции*, как ошибочность моральной оценки некоторого явления или события. Понятно, что подобный «субъективизм» нельзя рассматривать как некую особую «концепцию». Далее речь пойдет о различных формах именно *концептуального субъективизма*.

Поскольку субъективизм такого рода в любой его разновидности связан с акцентацией субъективной стороны морали, необходимо выяснить, какие именно составляющие морального феномена либо бесспорно являются «субъективными», либо могут быть *представлены* (уже *не* бесспорно) в качестве таковых и тем самым послужить предметом разногласий относительно их объективной или субъективной природы. Что касается моральных установок, мотивов, побуждений,

эмоций и т.д., то их *принадлежность* индивидуальному или групповому сознанию и, следовательно, субъективность *в этом отношении* несомненна. Вместе с тем *содержание* (предметная направленность) этих установок и мотивов, а также принятых или провозглашенных в обществе моральных норм может *предположительно* быть или субъективным, или объективным по своему *источнику*, т.е. таким источником в первом случае может быть сакральный или естественный субъект — Бог, пророк, социум или индивид, — *полагающий* эти нормы произвольно (беспредпосылочно) или руководствуясь неким интересом; во втором — природный или трансцендентный мир, объективно-необходимые законы которого воплощаются в общезначимом, универсальном по содержанию моральном законодательстве. Кроме того, сама процедура *выбора* поступка, имеющего моральную значимость, может трактоваться как субъективно-произвольная либо же, напротив, объективно детерминированная акция, независимо от того, каким — объективным или субъективным — признается источник моральных ценностей.

Таким образом, проблемы, возникающие при выяснении *содержания* моральных ценностей и *способа реализации* их в человеческом поведении, явились предпосылкой формирования множества субъективистских концепций морали. В задачу данной статьи не входит анализ всего этого многообразия. Мы вкратце рассмотрим две современные этические теории, сложившиеся в рамках более широких методологических течений — фикционализма и конструктивизма — и содержащие в себе (в снятом и преобразованном виде) основные идеи классического субъективизма.

Этический фикционализм

Основная идея этического фикционализма чрезвычайно проста. Вот как она изложена в сравнительно недавно изданной книге Ричарда Джойса с красноречивым названием «Миф о морали»⁵. Моральные суждения, пишет Джойс, не могут быть рационально доказаны. Мы склонны окутывать мир ценностями, которых в нем нет. Означает ли это, что мы должны отбросить мораль подобно тому, как мы отбрасываем другие ошибочные представления, — такие, например, как представления о ведьмах? Очевидно, нет. Мы могли бы относиться к морали как к «полезной фикции», предоставляя ей возможность оказывать регулятивное влияние на нашу жизнь и решения, может быть даже играть при этом центральную роль, но в то же

время мы не должны совершать теоретической ошибки и принимать на веру ложные утверждения об объективном существовании моральных ценностей.

Собственно говоря, эта мысль далеко не нова. Примерно то же имел в виду Вольтер в своем известном афоризме: «Если бы Бога не было, его следовало бы выдумать», — ибо уверенность в реальном бытии высшего гаранта морали (даже если *на самом деле* его нет) заставляет людей соблюдать принятые нормы и тем самым обеспечивает относительную стабильность общества. Вместе с тем, несмотря на банальность фикционалистской идеи для современного философского сознания, в последние годы происходит ее явное оживление⁶. Она органически вписывается в новые философские контексты, ибо предлагает определенный компромиссный (хотя и удовлетворяющий далеко не всех исследователей) выход из теоретического тупика, в который попала западная этическая мысль в результате, с одной стороны, невозможности аргументированно парировать аналитическую критику метафизических оснований морали, а с другой — из-за невозможности отказаться от признания надчеловеческого статуса моральных ценностей, статуса, благодаря которому мораль в состоянии выполнять свою регулятивную социальную функцию.

Безусловно, термин «фикция» в применении к морали звучит весьма одиозно (достаточно вспомнить «афоризм»: «Совість — это химера»). Важно отметить, однако, что этический фикционализм является частным ответвлением или приложением фикционализма как более общей мировоззренческо-эпистемологической теории, в системе представлений которой понятие фикции не имеет ценностно-негативного оттенка. Это понятие в специальном философском значении было введено немецким философом Файхингером (H. Veihinger, 1852—1933), который заимствовал и довел до логического конца некоторые важные методологические идеи Канта и Ницше. Фикция в этом специальном значении — не ошибка и не обман, а особое мыслительное образование, играющее служебную, инструментальную роль в познании; оно не истинно и не ложно; это — «как бы» («als ob»)⁷ знание, это допущение, введенное нами самими для преодоления специфических познавательных затруднений. Фиктивными в указанном смысле являются многие научные понятия («идеальный газ», «абсолютно твердое тело», «мнимое число» и пр.), а также метафизические конструкции («трансцендентный мир» и др.). В отличие от прагматизма, для которого «полезность» знания равнозначна его истинности, фикционализм признает *иллюзорность* многих «полезных» (для теории и практики) понятий. Обобщая этот подход, Файхингер сформулировал те

зис о том, что наша картина мира есть не что иное, как совокупность фикций, причем это относится не только к теории, описывающей и объясняющей мир, но также к моральной, художественной и другим формам ценностного сознания. Современные — весьма популярные — постмодернистские течения являются, по сути, развитием этой фикционалистской идеи.

Одним из направлений в рамках рассматриваемой концепции является *модальный фикционализм*⁸. Под модальностью в логике и лингвистике понимается отношение содержания высказывания к его реальному осуществлению, — отношение, выражаемое особыми грамматическими и лексическими средствами. Помимо традиционных (идуших еще от Аристотеля) так называемых *алетических* модальностей («возможно, что», «необходимо, что»), современная логика выделяет также *деонтические* («разрешено, что», «запрещено, что», «обязательно, что»), *аксиологические* («хорошо, что», «плохо, что») и ряд других. Указанное различие очень важно для понимания, в частности, специфики морального долженствования, поскольку этический рационализм (от Канта до современных авторов — Р.Хэара, А.Гьюэрта и др.) постоянно смешивает должное, или морально обязательное, с объективно необходимым, либо определяет моральный долг через необходимость⁹. Модальный фикционализм проводит мысль об отсутствии объективного эквивалента для любых модальных понятий, т.е. о признании их «полезными фикциями». Приписывание, в частности, моральным модальностям онтологического статуса есть результат неправомерного гипостазирования субъективных (по способу существования) моральных позиций, оценок, императивов, норм и пр.

Можно заключить, что фикционализм как широкий мировоззренческий подход содержит некоторые методологически плодотворные элементы, — во всяком случае, применительно к сфере познания, в особенности к математике и естественным наукам, где использование фиктивных понятий и представлений обеспечивает реальную результативность познавательного процесса. Что касается *этического фикционализма*, то и здесь имеется позитивная идея (которая, впрочем, связана скорее с именем Канта, нежели Файхингера), именно: признание того, что моральные (оценочные и императивные) суждения и понятия не имеют субстанциальных аналогов; или, если использовать аналитико-философскую терминологию, не существует «моральных фактов», т.е. оценки и императивы не имеют денотата в виде субстанциального добра, долга и пр. Правда, такое понимание моральных ценностей не требует обязательного принятия фикционалистской концепции; понятие «моральной фикции» возникает лишь в связи с

тем, что большинство философов рассматривают мораль как род знания, и потому в тех случаях, когда ставится под сомнение само существование объекта такого знания, то сохранить когнитивный статус моральных ценностей позволяет подведение их под суррогатное понятие «фикции». Если же моральные оценки и нормы интерпретировать как некогнитивные феномены¹⁰, то надобность в фикционалистской терминологии отпадает. Мораль не «фиктивна» в каком бы то ни было смысле; моральные ценности образуют особую социально-духовную реальность: принципы, нормы, установки, мотивы, переживания и т.д.; эти реалии человеческого духа соотносимы с предметным (и, быть может, «умопостигаемым») миром, но соотносимы не в познавательном, а в другом, «взаимообуславливающем» отношении, поэтому атрибуция их в качестве «фиктивных» некорректна. Можно спорить о специфике морали, ее происхождении, функциях, механизмах и пр., но не о ее реальном бытии.

Основной объяснительный потенциал фикционализма, имеющий значение для социально-гуманитарных наук (потенциал, также могущий быть реализованным без использования представлений о «фикции» и, следовательно, свойственный не только рассматриваемому философскому направлению), связан с той методологической посылкой, которая обозначена в начале данного раздела: те или иные духовные образования, даже не будучи «истинными» в эпистемологическом смысле (т.е., будучи, скажем, фиктивными, или ложными, или не доказанными, или принципиально недоказуемыми, или вообще некогнитивными и, значит, лишенными любой из этих характеристик), могут тем не менее быть органической и стабильной частью общественного сознания, передаваться из поколения в поколение, быть институционализированными, реально влиять на жизнь людей, выполнять важнейшие социальные функции. Разумеется, отсюда не следует, будто духовная и материальная жизнь общества целиком и полностью определяется «фикциями», как это утверждают наиболее радикальные представители фикционализма.

Этический конструктивизм

Термин «конструктивизм» употребляется довольно широко в разных теоретических (а иногда и публицистических) контекстах. В самом общем смысле «конструктивизм» означает установку на (1) искусственное построение (конструирование) тех или иных идеально-духовных или материально-предметных реалий либо на (2) истолкование этих реалий как искусственно сконструированных (в противовес их интерпретации